

Влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения населения Мурманской области*

**Сергей Владимирович
БАРАНОВ**

Кольский научный центр РАН
Апатиты, Мурманская обл., Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а
E-mail: bars.vl@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1960-6120

**Татьяна Петровна
СКУФЬИНА**

Кольский научный центр РАН
Апатиты, Мурманская обл., Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а
E-mail: skufina@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7382-3110; ResearcherID: T-6770-2017

**Ирина Александровна
ГУЩИНА**

Кольский научный центр РАН
Апатиты, Мурманская обл., Российская Федерация, 184209, ул. Ферсмана, д. 24а
E-mail: guschina@iep.kolasc.net.ru
ORCID: 0000-0002-2664-9145

* Публикация включает результаты выполнения работ, поддержанных грантом РФФИ № 19-010-00022 (постановка проблемы исследования, опросы населения Мурманской области и их описание); государственного задания ФГБУН ФИЦ Кольский научный центр № 0226-2019-0027 (в части рассмотрения современных проблем управления; специфики исследования экономики Мурманской области).

Для цитирования: Баранов С.В., Скуфьина Т.П., Гущина И.А. Влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения населения Мурманской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 1. С. 160–173. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.9

For citation: Baranov S.V., Skufina T.P., Gushchina I.A. The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 160–173. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.9

Аннотация. Статья посвящена содержательному анализу влияния повышения пенсионного возраста на экономику Мурманской области и настроения ее жителей. Пенсионная система, включающая протекционизм для населения Севера, оказывает существенное влияние на экономику, социальную жизнедеятельность, миграцию населения. Поэтому оценка влияния изменения пенсионного возраста на социальные и экономические процессы на северных и арктических территориях особенно актуальна. Решены три задачи: 1. Составлен прогноз численности трудоспособного населения Мурманской области, учитывающий изменение возраста выхода на пенсию. Показано, что увеличение пенсионного возраста приостановит устойчивую тенденцию уменьшения численности трудоспособного населения региона, но не сломает тенденцию. Сопоставление с результатами прогноза по России в целом показало, что это качественно отличает ситуацию в регионе от общероссийской ситуации. 2. Рассмотрены особенности производства ВРП Мурманской области на основе экономико-статистического моделирования. Установлено, что при сложившейся структуре экономики незначительное сокращение скорости уменьшения численности трудоспособного населения не окажет существенного влияния на производство ВРП. 3. Выявлены настроения населения Мурманской области на основе анкетирования, проведенного по репрезентативной общерегиональной выборке Мурманской области в 2019 году. Установлено крайне болезненное восприятие населением повышения пенсионного возраста; наличие устойчивого мнения, что изменение пенсионного возраста не отвечает интересам населения Севера и Арктики. Диагностирован негативный эффект увеличения возраста выхода на пенсию – изменение миграционных настроений наиболее значимой группы населения Мурманской области (с позиций перспектив регионального производства) – молодежи (18–29 лет) и среднего возраста (30–49 лет). Так, значительная часть представителей этих возрастных групп уже точно решили не проживать в Мурманской области, связывая свое решение с фактором увеличения пенсионного возраста. Таким образом, положительный эффект – уменьшение скорости снижения численности трудоспособного населения Мурманской области, вызванное увеличением возраста выхода на пенсию, – будет компенсирован негативным эффектом – увеличением скорости миграционных потерь региона.

Ключевые слова: повышение пенсионного возраста, Арктика, Мурманская область, ВРП, численность трудоспособного населения, моделирование, анкетирование, настроения жителей.

Введение

Рассмотрение необходимой трансформации пенсионных систем развитых и развивающихся стран находится в центре внимания мировой науки. Это определено тем, что при внешнем разнообразии экономические и взаимосвязанные демографические процессы различных стран приводят к единому следствию – сокращению доли населения в трудоспособном возрасте (процесс различается только по масштабам и скорости старения населения) [1, 2, 3, 4, 5]. Повышенная социальная уязвимость – это реальность пожилого населения. Феномен «успешного старения» населения развитых стран, создаваемый пенсионной системой, затушевывается объективной экономической реальностью. Так, общепринятая точка зрения предполагает, что старение населения приведет к дальнейшему увеличению капиталоемкости

при падении нормы прибыли на капитал и увеличении заработной платы [1, 2, 5, 6].

Базисная проблема старения населения решается непопулярными мерами: повышением пенсионных отчислений, сокращением пенсионных выплат, увеличением пенсионного возраста [1, 2, 3, 6, 7, 8]. Обобщение результатов исследований показывает, что предпочтительным вариантом для экономики и социальной сферы является поднятие пенсионного возраста [9, 10]. Многочисленные отечественные исследования подтверждают этот вывод [4, 11, 12, 13, 14]. Так, исследования авторов [14] показывают, что устойчивая тенденция падения численности трудоспособного населения в России скорректирована увеличением пенсионного возраста. Исследования специфики производства ВВП России также подтверждают тезис о положи-

тельном влиянии сдвига численности трудоспособного населения на экономический рост [4]. Отметим множество работ, указывающих на универсальность рецепта повышения пенсионного возраста для поддержания благосостояния населения и обеспечения устойчивости пенсионной системы, независимо от типа пенсионной системы и рождаемости [15, 16].

Как свидетельствуют мировые исследования, повышение пенсионного возраста основано не только на потребностях, но и на внутренних демографических резервах — росте продолжительности здоровой жизни [17, 18]. Эта же тенденция объективно характерна и для России: согласно реальным данным и демографическому прогнозу ожидается дальнейшее увеличение продолжительности жизни россиян [19, 20]. Обозначенная тенденция четко прослеживается и для жителей Российской Арктики, что во многом обусловлено развитием социальной инфраструктуры с тенденцией приближения показателей-индикаторов региональной и муниципальной статистики арктических территорий к общероссийским [14, 21].

Однако территориальная «привязка» к проблеме старения населения имеет иной аспект для крайне разнообразных регионов России — это оценка влияния изменения пенсионного возраста на региональные процессы. Многочисленные исследования влияния макроэкономических движений на региональное развитие показывают, что эта реакция может быть очень специфичной [22, 23, 24]. Также ряд исследователей наглядно демонстрирует значительные экономические и социальные риски недоучета региональных особенностей в практике управления [25, 26, 27, 28].

Пенсионная система, включающая протекционизм для населения северных территорий, в том числе в части возраста выхода на пенсию, оказывает существенное влияние на экономику, социальную жизнедеятельность, миграцию населения. Поэтому оценка влияния изменения пенсионного возраста на социальные и экономические процессы на северных и арктических территориях особенно актуальна.

В основе нашего исследования лежит проверка гипотезы, что увеличение пенсионного

возраста является фактором, способным изменить состояние трудовых ресурсов, поведение населения, существенно повлиять на процессы экономического развития регионов Арктики.

Цель работы: рассмотреть влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения жителей арктического региона — Мурманской области.

Задачи: 1) составить долгосрочный прогноз численности трудоспособного населения Мурманской области, учитывающий изменение возраста выхода на пенсию; 2) рассмотреть особенности производства ВРП Мурманской области; 3) выяснить настроения населения Мурманской области, вызванные увеличением возраста выхода на пенсию.

Отметим, что до сих пор отсутствуют подобного рода оценки, что определяет не только фундаментальную новизну, проявляемую в установленных взаимосвязях и тенденциях развития Мурманской области, вызванных сдвигом возраста выхода на пенсию, но и очевидную новизну научно-практического характера, обусловленную новыми стратегическими задачами развития Российской Арктики.

Прогноз численности трудоспособного населения для Мурманской области с учетом изменения возраста выхода на пенсию

Мурманская область демонстрирует достаточно высокие темпы старения населения, что соответствует ситуации в целом по Северо-Западному федеральному округу (*табл. 1*). Анализ естественного движения населения (*табл. 2*), миграционных процессов (*табл. 3*) показывает, что в Мурманской области это обусловлено двумя факторами: мощным миграционным оттоком населения и низкой рождаемостью.

Используя данные официального демографического прогноза до 2036 года, данные Росстата о половозрастной структуре населения Мурманской области, схему повышения пенсионного возраста, мы составили долгосрочный прогноз численности трудоспособного населения области, учитывающий увеличение возраста выхода на пенсию. На *рисунке 1* представлены прогнозные данные в абсолютных значениях и данные в относительных значениях, приведенные к 2000 году.

Таблица 1. Возрастной состав населения по регионам Северо-Западного федерального округа (оценка на конец года, в % от общей численности населения)

Территория	Моложе трудоспособного возраста						В трудоспособном возрасте						Старше трудоспособного возраста					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Северо-Западный федеральный округ	15	15	16	16	17	17	61	60	59	58	57	57	24	25	25	26	26	27
Республика Карелия	17	17	17	18	18	18	59	58	57	56	55	55	24	25	25	26	27	27
Республика Коми	19	19	19	20	20	20	62	61	60	59	58	57	19	20	20	21	22	23
Архангельская область	17	18	18	19	19	19	59	58	57	56	55	55	23	24	25	25	26	26
в том числе:																		
Ненецкий авт. округ	23	24	24	24	25	25	61	60	60	59	58	57	15	16	16	17	18	18
Архангельская область без авт. округа	17	18	18	18	19	19	59	58	57	56	55	54	23	24	25	26	26	27
Вологодская область	17	18	18	19	19	19	59	58	57	56	55	54	24	24	25	25	26	27
Калининградская область	16	16	17	17	17	18	61	60	59	58	58	57	23	24	24	25	25	25
Ленинградская область	14	14	14	15	15	15	60	60	59	58	57	57	26	26	27	27	28	28
Мурманская область	17	17	18	18	18	19	64	63	62	61	60	59	20	20	21	21	22	22
Новгородская область	16	16	17	17	17	18	57	56	55	54	54	53	27	28	28	29	29	30
Псковская область	15	15	16	16	16	16	58	57	56	55	54	54	27	28	28	29	29	30
г. Санкт-Петербург	13	13	14	14	15	15	61	61	60	59	58	58	26	26	26	26	27	27
Справочно Россия	17	17	18	18	18	19	60	59	58	57	57	56	23	24	24	25	25	25

Источник: Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018. 189 с.

Таблица 2. Число родившихся и умерших по регионам Северо-Западного федерального округа, на 1000 человек населения

Территория	Число родившихся на 1 000 человек населения						Число умерших на 1 000 человек населения					
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Северо-Западный федеральный округ	12,2	12,2	12,3	12,5	12,4	11,1	13,8	13,4	13,3	13,4	13,2	12,8
Республика Карелия	12,6	11,9	12,3	12,2	12,0	10,3	15,4	14,6	14,6	15,3	14,8	14,6
Республика Коми	14,0	14,2	14,2	13,7	13,1	11,5	12,2	12,0	12,2	12,4	12,4	11,8
Архангельская область	12,8	12,8	12,6	12,4	12,0	10,7	13,6	13,3	13,3	13,5	13,5	13,0
в том числе:												
Ненецкий авт. округ	17,3	16,4	16,8	17,6	18,5	15,2	10,2	10,7	8,9	9,2	8,9	8,6
Архангельская область без авт. округа	12,6	12,7	12,5	12,2	11,8	10,5	13,8	13,4	13,4	13,6	13,7	13,2
Вологодская область	14,0	13,8	13,6	13,7	13,3	11,4	15,1	15,0	14,8	14,8	15,0	14,4
Калининградская область	12,4	12,4	12,6	12,7	12,4	11,0	13,2	13,1	13,3	13,2	12,5	12,5
Ленинградская область	9,0	8,8	9,1	9,0	9,2	8,3	14,7	14,4	14,5	14,0	14,0	13,3
Мурманская область	11,8	11,9	11,7	11,9	11,2	10,3	11,3	11,0	11,4	11,6	11,5	11,1
Новгородская область	12,1	11,8	12,0	11,9	11,7	10,3	17,9	17,8	17,4	17,5	17,5	17,1
Псковская область	11,1	11,0	10,9	11,0	11,1	9,5	19,6	18,6	18,4	18,2	17,9	17,4
г. Санкт-Петербург	12,6	12,6	13,0	13,6	13,8	12,5	12,4	11,9	11,7	11,9	11,7	11,4
Справочно Россия	13,3	13,2	13,3	13,3	12,9	11,5	13,3	13,0	13,1	13,0	12,9	12,4

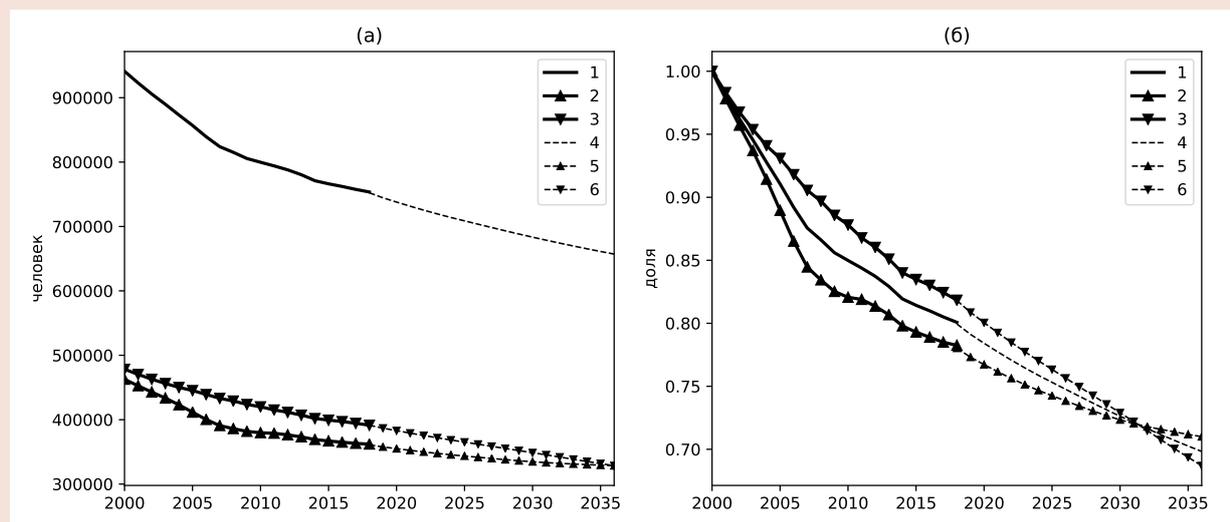
Источник: Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018. 189 с.

Таблица 3. Коэффициенты миграционного прироста (убыли) по регионам Северо-Западного федерального округа, на 1000 человек населения

Территория	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Северо-Западный федеральный округ	5,8	7,2	4,1	1,6	4,1	5,5
Республика Карелия	-1,5	-1,3	-0,7	-1,2	-1,6	-3,1
Республика Коми	-12,2	-12,0	-10,7	-10,1	-8,1	-11,2
Архангельская область	-8,5	-8,2	-6,5	-6,8	-5,6	-6,9
в том числе: Ненецкий авт. округ	1,2	-0,3	0,1	2,3	-7,3	-5,3
Архангельская область без авт. округа	-8,8	-8,5	-6,8	-7,2	-5,6	-7,0
Вологодская область	-0,9	-1,1	-0,7	-1,7	-1,5	-3,1
Калининградская область	9,2	9,4	6,7	8,2	10,1	9,9
Ленинградская область	15,6	12,9	12,0	6,8	12,1	17,1
Мурманская область	-10,1	-12,9	-6,5	-5,7	-5,7	-4,6
Новгородская область	-0,4	0,5	-0,6	0,7	0,6	-3,1
Псковская область	0,4	0,1	-0,8	-0,1	0,3	-0,9
г. Санкт-Петербург	14,8	19,7	10,2	4,9	8,5	12,1
Справочно Россия	2,1	2,1	1,9	1,7	1,8	1,4

Источник: Регионы Северо-Западного федерального округа. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2018. 189 с.

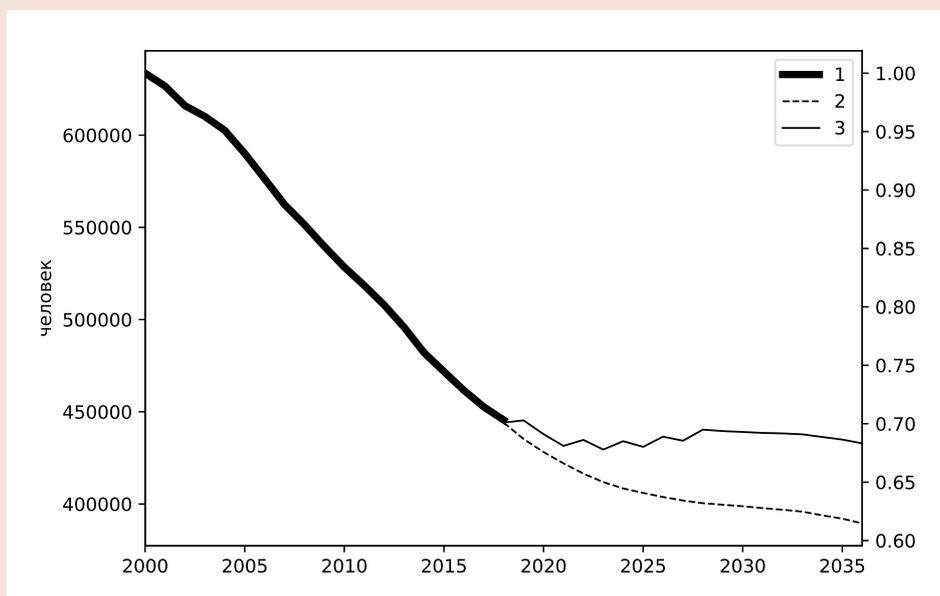
Рис. 1. Динамика численности населения Мурманской области за 2000–2036 гг. в абсолютных значениях, человек (а) и значениях относительно уровня 2000 г. (б)

1 – фактические данные по всему населению за 2000–2018 гг.; 2 – фактические данные по мужчинам за 2000–2018 гг.; 3 – фактические данные по женщинам за 2000–2018 гг.; 4 – прогнозные значения за 2019–2036 гг.; 5 – прогнозные значения по мужчинам за 2019–2036 гг.; 6 – прогнозные значения по женщинам за 2019–2036 гг.

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 2. Динамика численности трудоспособного населения за 2000–2036 гг. по Мурманской области, чел.

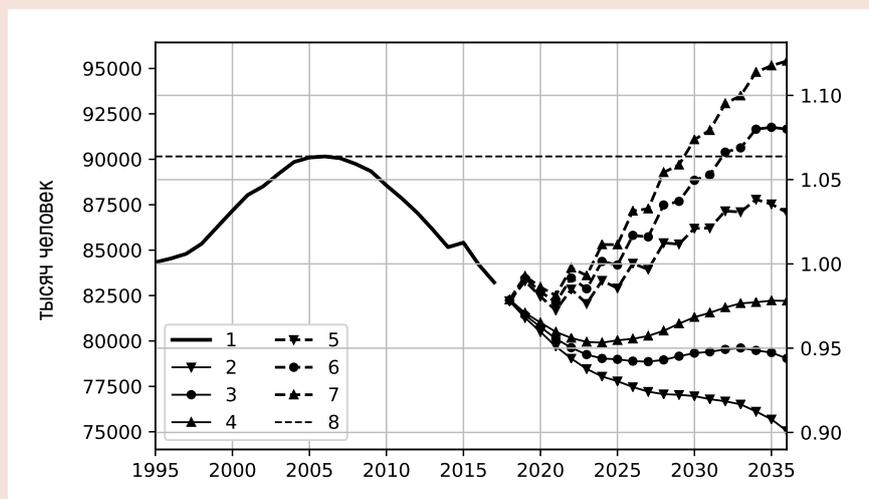
1 – фактические данные за 2000–2018 гг.; 2 – прогнозные значения за 2019–2036 гг. по старой схеме выхода на пенсию; 3 – прогнозные значения за 2019–2036 гг. по новой схеме выхода на пенсию

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

Обращает на себя внимание спад численности трудоспособного населения в Мурманской области, наблюдаемый с 2000 года (рис. 2). При сохранении трудоспособного возраста для женщин – 16–50 лет и мужчин – 16–55 лет (для жителей Севера, без пенсионной реформы) прогнозируется дальнейший спад численности трудоспособного населения в среднем на 0,73 % в год, который к 2036 году достигнет 14 % относительно уровня 2018 г. (в Мурманской области останется 389 502 чел. трудоспособного населения). При новой схеме выхода на пенсию прогнозируется снижение темпов падения численности трудоспособного населения в среднем до 0,14 % в год. С 2027 г. спад практически прекратится и к 2036 г. численность трудоспособного населения сократится на 4,4 % относительно уровня 2018 г. (в Мурманской области останется 432 878 чел. трудоспособного населения).

В своих предшествующих исследованиях мы составили трехвариантный прогноз численности трудоспособного населения Российской Федерации в целом на период 2018–2036 годов, учитывающий увеличение пенсионного возраста [12]. Прогноз показал, что спад численности трудоспособного населения в стране наблюдается с 2006 г. (максимальное значение – 90157,93 тыс. чел). При сохранении трудоспособного возраста на прежнем уровне (без пенсионной реформы) во всех вариантах прогнозируется дальнейший спад численности трудоспособного населения России (рис. 3). Увеличение пенсионного возраста изменило тенденцию спада – численность трудоспособного населения в стране увеличится: значение 2006 г. при высоком варианте прогноза будет достигнуто к 2029 г., при среднем варианте – к 2032 г., при низком варианте – значение 2006 г. достигнуто не будет.

Рис. 3. Динамика численности трудоспособного населения России за 1995–2036 годы*, тыс. чел.

1 – фактические данные за 1995–2017 гг. Прогнозные значения за 2018–2036 гг. по старой схеме выхода на пенсию (женщины – 16–54 года, мужчины 16–59 лет): низкий (2), средний (3), высокий (4) варианты прогноза. Прогнозные значения за 2018–2036 гг. по новой схеме выхода на пенсию: низкий (5), средний (6), высокий (7) варианты прогноза. 8 – максимум численности трудоспособного населения, наблюдавшийся в 2006 г.

* На правой оси отложены значения показателя относительно уровня 1995 г.

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики [12].

Таким образом, динамика численности трудоспособного населения Мурманской области существенно отличается от общероссийской динамики. В Мурманской области увеличение пенсионного возраста не сможет обеспечить рост значений этого показателя.

Особенности производства ВРП Мурманской области. Пенсионная реформа в части увеличения возраста выхода на пенсию непосредственно регулирует численность трудоспособного населения. Поэтому для выявления воздействия повышения пенсионного возраста на производство ВРП необходимо найти связь между этими показателями.

На рисунке 4 приведена динамика значений общепризнанных факторов-показателей, которые определяют производство ВРП при моделировании традиционным инструментарием исследования производственных региональных процессов – регрессионных моделей и производственных функций (индексы физического объема ВРП, инвестиций в основной капитал, индекс трудоспособного населения) за 1998–2016 гг. относительно 1997 г. [29, 30, 31, 32].

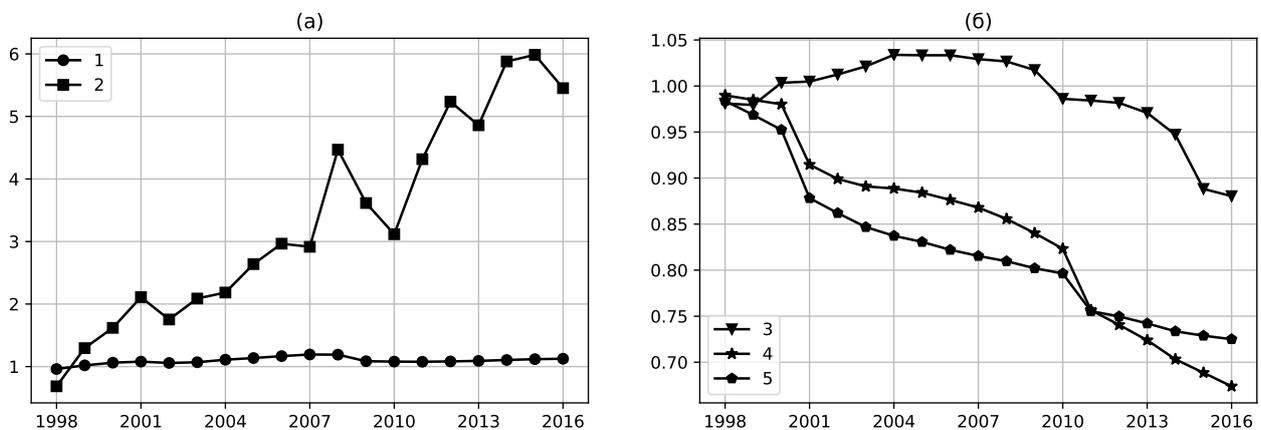
Связь ВРП, инвестиций и численности трудоспособного населения будем рассматривать в виде производственной функции:

$$Y = AK^pL^q, \quad p + q = 1, \quad (1)$$

где Y – ВВП; K – инвестиции в основной капитал; L – численность трудоспособного населения; $A = \exp(a)$ – нейтральный технический прогресс; p – коэффициент эластичности по труду (численность трудоспособного населения); q – коэффициент эластичности по капиталу (инвестиции в основной капитал).

Оценивание параметров модели (1) методом наименьших квадратов показывает, что модель не соответствует исходным данным: коэффициент детерминации $R^2 = 0,50$ (рис. 5). Данный вывод соответствует полученным ранее результатам, которые базировались на детальном исследовании производственных процессов Мурманской области в контексте «общесеверной» и общероссийской ситуации и учитывали как основные фонды и численность занятых в экономике Мурманской области, так и инвестиции в основной капитал [4, 29].

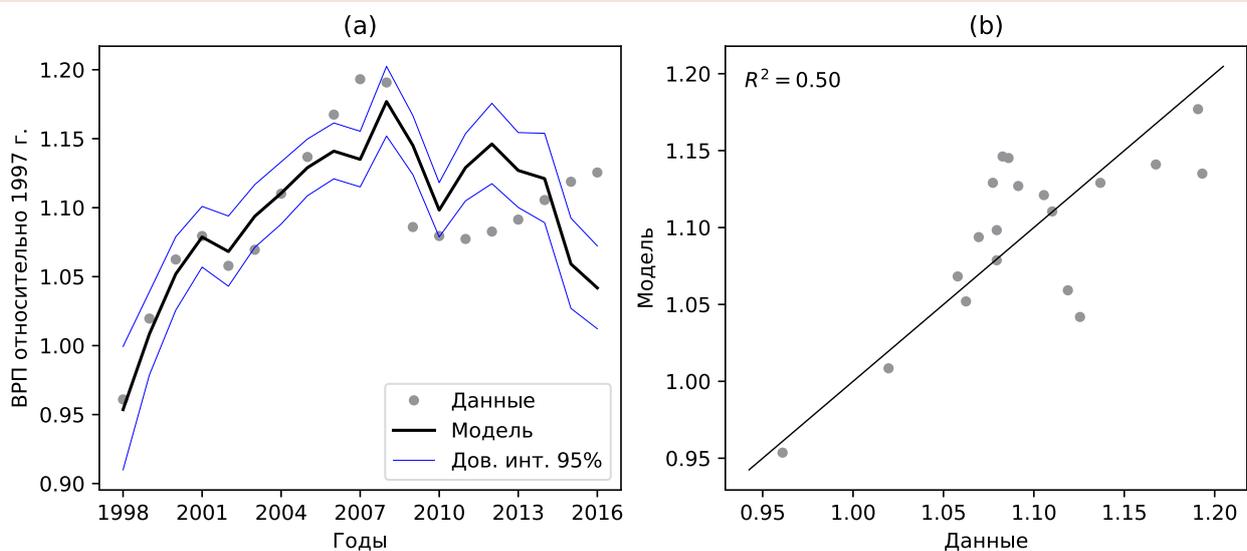
Рис. 4. Динамика значений базисных производственных показателей региона для Мурманской области за 1998–2016 гг. относительно значений 1997 г.

(а) 1 – индекс физического объема ВРП в сопоставимых ценах; 2 – индекс физического объема инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах; (б) 3 – среднегодовая численность занятых в экономике; 4 – численность трудоспособного населения относительно 1997 г.; 5 – численность населения относительно 1997 г.

Источник: расчеты авторов по данным Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 5. Оценивание параметров модели (1) для Мурманской области

(а) – динамика фактических и модельных значений индекса физического объема ВРП; (б) – степень соответствия фактических модельных значений индекса физического объема ВРП (коэффициент детерминации $R^2 = 0,50$)

Таким образом, для Мурманской области не прослеживается четкая связь между ВРП и инвестициями в основной капитал, численностью занятых в экономике. Аналогичный вывод

справедлив и для численности трудоспособного населения. Это отличает ситуацию в Мурманской области от общероссийской и ситуации в большинстве регионов Севера [29].

Выявленная специфика определила парадоксальную ситуацию: *шестикратный рост физического объема инвестиций в основной капитал Мурманской области, наблюдавшийся с 1997 по 2017 г., не обеспечил значимого прироста физического объема ВРП региона (максимальное значение в 2007 г. составляло 1,2 раза)* (см. рис. 4).

Полагаем, причины выявленной специфики следует искать во внутренней структуре экономики Мурманской области. Так, наши предварительные исследования свидетельствуют, что отсутствие роста при многократных инвестиционных вливаниях во многом обусловлено добывающим характером экономики региона старопромышленного типа. Поясним. Наибольшая доля в формировании ВРП Мурманской области традиционно принадлежит виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых». Ухудшение состояния минерально-сырьевой базы региона приводит к необходимости повышения расходов на разработку более бедных руд, со сложными условиями залегания и т.д. Это требует все более высоких инвестиционных вложений, которые фактически только замещают вырабатываемые источники полезных ископаемых, не создавая дополнительные источники роста. Проблема усилена устаревшими основными средствами производства. Однако это только частично объясняет выявленный эффект, требуя углубленных дополнительных изысканий, которые выходят за рамки предмета исследования, представленного в настоящей статье.

Возвращаясь к задаче поиска экономического эффекта от увеличения пенсионного возраста для экономики Мурманской области, можно отметить следующее. При сложившейся структуре экономики области незначительные колебания численности трудоспособного населения, вызванные увеличением пенсионного возраста, не окажут существенного влияния на производство ВРП.

Настроения населения Мурманской области, вызванные увеличением возраста выхода на пенсию

Эмпирической базой для исследования настроений населения Мурманской области служат данные анкетирования, проведенного нами по репрезентативной общерегиональной выборке Мурманской области в 2019 году (с уче-

том квот по полу, возрасту, образованию и территориальному районированию Росстата) в населенных пунктах Ковдор, Мончегорск, Апатиты, Кировск, Мурманск, Снежногорск, Полярный, Кола, Ловозеро, Оленегорск, Полярные Зори, Кандалакша, Умба (количество респондентов – 1291 человек). Ошибка выборки составляет не более 4 %. Данные приведены в процентах от числа опрошенных. Отметим, что в этой статье мы приводим только незначительную часть масштабного трехлетнего исследования (2019–2021), финансируемого РФФИ, проект № 19-010-00022, в экспедиционной части направленного на исследование специфики отражения пенсионной реформы в сознании населения регионов Арктики.

Обратимся сначала к рассмотрению отношения населения Мурманской области к увеличению возраста выхода на пенсию (*табл. 4*). Ответы получены ожидаемые в той части, которая касается отрицательного отношения населения (87,1 % опрошенных). Ни в одной стране мира люди не поддерживают увеличение возраста выхода на пенсию. Однако обращает на себя внимание именно резко отрицательное отношение, которое продемонстрировали 64,6 % опрошенных. 22,5 % опрошенных склоняются к «скорее отрицательному» восприятию и только 4,1 % – к «скорее положительному» при статистически незначимом определении «целиком положительного» отношения к увеличению пенсионного возраста (0,8 %). Социальную заостренность и особую болезненность вопроса повышения возраста выхода на пенсию косвенно подтверждает то, что затруднились с ответом только 8 % опрошенных. Болезненность восприятия объясняется тем, что северные льготы включают меньший возраст выхода на пенсию. Популярной поведенческой стратегией населения региона, причем относительно нестарых людей, при наступлении пенсионного возраста являлся переезд в климатически благоприятные районы. Таким образом, изменение пенсионного возраста заставило население существенно корректировать свои планы. Как следует отметить, с позиций интересов государства переезд пенсионеров с северных территорий является положительным трендом миграции, что связано с повышенными издержками содержания социальной инфраструктуры на Севере.

Таблица 4. Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Как Вы относитесь к законодательному увеличению возраста выхода на пенсию по старости?», в % от совокупности опрошенных

Варианты ответов	Регион в целом (всего)	Мужчины	Женщины
Целиком положительно	0,8	1,3	0,3
Скорее положительно	4,1	5,0	3,2
Скорее отрицательно	22,5	20,9	24,1
Резко отрицательно	64,6	67,1	62,2
Затрудняюсь ответить	8,0	5,8	10,2

Источник: данные опросов, проведенных авторами.

Более 70 % опрошенных жителей Мурманской области считают, что изменение возраста выхода на пенсию не отвечает интересам населения Севера и Арктики (табл. 5). Так, по мнению 46,3 % опрошенных, увеличение пенсионного возраста определенно не отвечает интересам населения Севера и Арктики; 24,7 % респондентов склоняются к тому, что это скорее не отвечает интересам северян, чем отвечает. Только чуть более 14 % населения видят положительное влияние изменения пенсионного возраста для населения Севера и Арктики (из них только 6,2 % дали ответ «определенно да»). Сложные и неоднозначные эффекты влияния

увеличения пенсионного возраста на интересы населения Севера и Арктики обусловили то, что 14,9 % опрошенных затруднились с ответом.

Обращают на себя внимание изменения миграционных настроений жителей Мурманской области, которые сами жители связывают с фактором увеличения пенсионного возраста (табл. 6). Так, на вопрос об изменении планов проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста положительно ответило более 33 % опрошенных, из них 7,5 % ответили, что их планы «точно изменились, уже подыскали другое место жительства и работу».

Таблица 5. Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Как Вы считаете, отвечает ли изменение пенсионного возраста интересам населения Севера и Арктики?», в % от совокупности опрошенных

Варианты ответов	Регион в целом (всего)	Мужчины	Женщины
Определенно да	6,2	7,9	4,6
Скорее да, чем нет	7,9	8,2	7,6
Скорее нет, чем да	24,7	23,7	25,6
Определенно нет	46,3	45,8	46,8
Затрудняюсь ответить	14,9	14,4	15,4

Источник: данные опросов, проведенных авторами.

Таблица 6. Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Изменились ли Ваши планы в отношении дальнейшего проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста?», в % от совокупности опрошенных

Варианты ответов	Регион в целом (всего)	Мужчины	Женщины
Нет, не изменились, буду жить и работать здесь	51,5	53,0	50,1
Скорее изменились, думаю о переезде в более комфортные климатические условия	25,6	22,5	28,5
Точно изменились, уже подыскал(а) другое место жительства и работу	7,5	8,5	6,5
Затрудняюсь ответить	15,4	15,9	14,9

Источник: данные опросов, проведенные авторами.

Таблица 7. Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Изменились ли Ваши планы в отношении дальнейшего проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста?» с учетом пола и возраста, в % от совокупности опрошенных

Варианты ответов	Мужчины, лет				Женщины, лет			
	18–29	30–49	50–64	65+	18–29	30–49	50–64	65+
Нет, не изменились, буду жить и работать здесь	46,6	50,7	54,9	71,0	41,8	40,0	58,0	67,0
Скорее изменились, думаю о переезде в более комфортные климатические условия	21,2	27,8	18,8	9,7	30,6	40,8	20,2	12,5
Точно изменились, уже подыскал(а) другое место жительства и работу	15,3	9,5	4,9	0,0	11,2	6,5	5,2	4,5
Затрудняюсь ответить	16,9	12,0	21,5	19,4	16,3	12,7	16,6	16,1

Источник: данные опросов, проведенных авторами.

Наиболее тревожным фактом является то, что задумались о переезде в более комфортные климатические условия и уже изменили планы дальнейшего проживания в Мурманской области такие группы населения, как молодежь (18–29 лет) и население среднего возраста (30–39 лет) (табл. 7).

Среди молодежи точно изменили планы, подыскивали другое место жительства и работы 13,3 % опрошенных (из них 15,3 % – мужчины, 11,2 % – женщины); среди населения среднего возраста – 8 % опрошенных (из них 9,5 % – мужчины, 6,5 % – женщины). Среди молодежи «задумались» о переезде и «скорее изменили» планы дальнейшего проживания в Мурманской области 25,9 % (из них 21,2 % – мужчины, 30,6 % – женщины); среди населения среднего возраста – 34,3 % опрошенных (из них 27,8 % – мужчины, 40,8 % – женщины). Столь значительная ориентация населения на миграцию в другие регионы создает значительные риски для устойчивости экономики Мурманской области уже в ближайшем будущем.

Заключение

Гипотеза исследования о том, что увеличение пенсионного возраста является фактором, способным изменить состояние трудовых ресурсов, поведение населения, существенно изменить процессы экономического развития арктического региона – Мурманской области, подтверждена.

Так, составленный долгосрочный прогноз численности трудоспособного населения Мурманской области свидетельствует, что изменение пенсионного возраста приостановит устойчивую тенденцию уменьшения численности трудоспособного населения региона. Однако, подчеркнем, уменьшение численности трудоспособного

населения Мурманской области продолжится. То есть увеличение пенсионного возраста не сломает нисходящий тренд численности населения трудоспособного возраста. Это качественное отличие от общероссийской ситуации. Так, составленный нами трехвариантный прогноз численности трудоспособного населения для России в целом указывает, что увеличение пенсионного возраста качественно изменило устойчивую тенденцию сокращения численности трудоспособного населения, которая увеличится по двум вариантам прогноза. Только наименее благоприятный прогноз демонстрирует нисходящий тренд, сходный с трендом в Мурманской области.

Исследование производства ВРП Мурманской области выявило, что *при сложившейся структуре экономики области незначительное уменьшение скорости сокращения численности трудоспособного населения, вызванное увеличением пенсионного возраста, не окажет существенного влияния на производство ВРП.*

Опросы жителей Мурманской области указали на крайне болезненное восприятие ими повышения пенсионного возраста. Напомним, резко отрицательно к увеличению возраста выхода на пенсию относится 64,6 % населения, а скорее отрицательно – 22,5 %. При этом в обществе присутствует устойчивое мнение, что изменение пенсионного возраста не отвечает интересам населения Севера и Арктики. Подавляющее большинство жителей региона, определившихся с ответом, считают, что увеличение в нем численности населения трудоспособного возраста (за счет повышения возраста выхода на пенсию) негативно повлияет на экономическую ситуацию. Это соответствует выводам по результатам исследования производства ВРП региона.

Таким образом, трансформировать положительный эффект от замедления скорости уменьшения численности трудоспособного населения Мурманской области в заметный экономический результат можно только при изменении структуры производства ВРП. Однако налицо негативный эффект изменения возраста выхода на пенсию – изменение миграционных настроений наиболее экономически активной и значимой группы населения области (с позиций перспектив регионального производства) – молодежи (18–29 лет) и среднего возраста (30–49 лет). Так, значительная часть представителей этих возрастных групп уже точно решили не проживать в

Мурманской области, причем связывают свое решение с фактором увеличения пенсионного возраста.

Таким образом, есть основания считать, что положительный эффект – сдвиг численности трудоспособного населения Мурманской области, вызванный увеличением возраста выхода на пенсию, – будет компенсирован негативным эффектом – увеличением скорости миграционных потерь региона. Сложные составные эффекты уменьшения численности населения дают основания предполагать комплекс прямых и косвенных потерь для экономики региона, расчет которых представляет собой отдельную проблему исследования.

Литература

1. Harper S. Economic and social implications of aging societies. *Science*, 2014, vol. 346 (6209), pp. 587–591.
2. Vogel E., Ludwig A., Börsch-Supan A. Aging and pension reform: extending the retirement age and human capital formation. *Journal of Pension Economics & Finance*, 2017, vol. 16 (1), pp. 81–107.
3. Tyrowicz J., Makarski K., Bielecki M. Reforming retirement age in DB and DC pension systems in an aging OLG economy with heterogenous agents. *IZA Journal of Labor Policy*, 2016, vol. 5 (1), p. 8.
4. Skufina T., Baranov S., Samarina V., Korchak E. Increasing GDP production in the Russian Federation and raising the retirement age: is there a connection? *AD ALTA: Journal of interdisciplinary research*, vol. 9 (1), Special Issue VI, 2019, pp. 69–72.
5. Bloom D.E. et al. Macroeconomic implications of population ageing and selected policy responses. *The Lancet*, 2015, vol. 385 (9968), pp. 649–657.
6. Catalano M., Pezzolla E. The effects of education and aging in an OLG model: long-run growth in France, Germany and Italy. *Empirica*, 2016, vol. 43 (4), pp. 757–800.
7. Trofimova N. A. Use of select mortality tables for forecasting the number of recipients of different types of Pensions. *Studies on Russian Economic Development*, 2010, vol. 21 (2), pp. 197–203.
8. Holzmann R. An optimistic perspective on population ageing and old-age financial protection. *Malaysian Journal of Economic Studies*, 2017, vol. 50 (2), pp. 107–137.
9. Holzmann R. Global pension systems and their reform: worldwide drivers, trends and challenges. *International Social Security Review*, 2013, vol. 66 (2), pp. 1–29.
10. Peng X., Mai Y. *Population Ageing, Retirement Age Extension and Economic Growth in China: A Dynamic General Equilibrium Analysis*. Centre of Policy Studies and the Impact Project, 2013. 33 p.
11. Chistova E.V. Possibilities for increasing the retirement age in Russia in response to population ageing. *Montenegrin Journal of Economics*, 2016, vol. 12 (3), pp. 127–138.
12. Баранов С.В., Скуфьина Т.П. Влияние повышения пенсионного возраста на производство валового внутреннего продукта в России // *Инновации*. 2018. № 9. С. 38–44.
13. Синявская О.В. Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // *Экономический журнал ВШЭ*. 2017. № 4 (21). С. 562–591.
14. Скуфьина Т.П., Баранов С.В. Феномен неравномерности социально-экономического развития городов и районов Мурманской области: специфика, тенденции, прогноз, регулирование // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10. № 5. С. 66–82. DOI: 10.15838/esc.2017.5.53.5
15. Bielecki M. et al. Decreasing fertility vs increasing longevity: Raising the retirement age in the context of ageing processes. *Economic Modelling*, 2016, vol. 52, pp. 125–143.

16. Wang H., Koo B., O'Hare C. Retirement planning in the light of changing demographics. *Economic Modelling*, 2016, vol. 52, pp. 749–763.
17. Puur A., Leppik L., Klesment M. Changes in pension take-up and retirement in the context of increasing the pension age: the case of Estonia in the 2000s. *Post-Communist Economies*, 2015, vol. 27 (4), pp. 497–516.
18. Барсуков В.Н. От демографического дивиденда к старению населения: мировые тенденции системного перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 167–182. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.11
19. Кудрин А., Гурвич Е. Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 52–79.
20. Рамонов А. В. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни как интегральная оценка здоровья россиян // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 4. С. 497–518.
21. Торопушина Е.Е. Оценка уровня развития социальной инфраструктуры в регионах Севера и Арктики // ЭКО. 2016. № 6 (504). С. 99–108.
22. Suorajarvi L., Poelzer G.A., Ejdemo T., Klyuchnikova E., Korchak E. Social sustainability in northern mining communities: A study of the European North and Northwest Russia. *Resources Policy*, 2016, vol. 47, pp. 61–68.
23. Шабунова А.А. Демографическая политика: региональный аспект // Экономика региона. 2016. № 8. С. 59.
24. Минакир П.А., Краснопольский Б.Х. Экономические механизмы внедрения новых технологий рационального использования арктических ресурсов // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 12–24.
25. Ильин В.А., Поварова А.И. Консолидированное налогообложение и его последствия для региональных бюджетов // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 70–83.
26. Окрепилов В.В., Гагулина Н.Л. Оценка качества институциональных преобразований в экономике региона // Экономика и управление. 2018. № 12 (158). С. 6–12.
27. Ускова Т.В. Проблемы эффективности государственного управления // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1 (50). С. 11–23.
28. Самарина В.П. Показатели реакции регионов Центрального федерального округа на изменение внешних условий // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 14. С. 2–10.
29. Baranov S., Skufina T., Samarina V. Regional environment for gross domestic product formation (the case of Russia Northern Regions). *Advanced Science Letters*, 2018, vol. 24 (9), pp. 6335–6338. DOI: <https://doi.org/10.1166/asl.2018.13047>
30. Kroese D.P., Chan. J.C.C. *Statistical Modeling and Computation*. Springer, 2014. 400 p. DOI: 10.1007/978-1-4614-8775-3
31. Ioan C.A., Ioan G. A generalization of a class of production functions. *Applied Economics Letters*, 2011, vol. 18, pp. 1777–1784.
32. Blaug M. *Economic Theory in Retrospect*. 5th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. Pp. 544–546.

Сведения об авторах

Сергей Владимирович Баранов — кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Кольский научный центр РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Татьяна Петровна Скуфина — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом, Кольский научный центр РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: skufina@gmail.com)

Ирина Александровна Гущина — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Кольский научный центр РАН (184209, Российская Федерация, Мурманская обл., г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а; e-mail: guschina@iep.kolasc.net.ru)

Baranov S.V., Skuf'ina T.P., Gushchina I.A.

The Impact of the Retirement Age Increase on the Economy and Attitudes of the Population of the Murmansk Oblast

Abstract. The article is devoted to a meaningful analysis of the impact of the retirement age increase on the economy of the Murmansk Oblast and the attitude of its residents. The pension system, which includes protectionism for the population of the North, has a significant impact on the economy, social life, and migration of the population. Therefore, the assessment of the impact of the retirement age changes on social and economic processes is particularly relevant for the Northern and Arctic territories. Three objectives were achieved: 1. Considering the change of the retirement age, the forecast for the number of able-bodied population of the Murmansk Oblast was made. It is shown that the increase of the retirement age will halt the steady decline of able-bodied population in the region, but it will not break the trend. Comparison with the results of the forecast for Russia as a whole showed that it qualitatively distinguishes the situation in the region from the national situation. 2. The features of GRP production in the Murmansk region, based on economic and statistical modeling, are reviewed. It is established that, with the current structure of the economy, a slight reduction of the decrease rate of the able-bodied population number will not have a significant impact on the production of GRP. 3. On the basis of the survey, conducted according to a representative regional sample of the Murmansk Oblast in 2019, attitudes of the Murmansk's population were revealed. There is a very painful perception of the retirement age increase by the population; there is a persistent opinion that change of the retirement age does not meet the interests of the population of the North and the Arctic. A negative effect of the retirement age increase was diagnosed: a change of migration attitudes among the most significant group of the Murmansk Oblast's population (from the perspectives of regional production) – people of young (18–29 years old) and middle (30–49 years old) ages. For example, a significant number of members of these age groups have already decided to leave the Murmansk Oblast. They link their decision to the factor of the retirement age increase. Thus, the positive effect – a decrease of the rate of the able-bodied population decline in the Murmansk region, caused by the retirement age increase – will be offset by a negative effect – the growth of the rate of migration losses in the region.

Key words: retirement age increase, Arctic, Murmansk Oblast, GRP, number of able-bodied population, modelling, survey, people's attitudes.

Information about the Authors

Sergei Vladimirovich Baranov – Candidate of Sciences (Physico-Mathematical), Associate Professor, Leading Researcher, Kola Science Center of RAS (24a, Fersmana Street, Apatity, the Murmansk Oblast, 184209, the Russian Federation; e-mail: bars.vl@gmail.com)

Tat'yana Petrovna Skuf'ina – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Head of Department, Kola Science Center of RAS (24a, Fersmana Street, Apatity, the Murmansk Oblast, 184209, the Russian Federation; e-mail: skufina@gmail.com)

Irina Aleksandrovna Gushchina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Kola Science Center of RAS (24a, Fersmana Street, Apatity, the Murmansk Oblast, 184209, the Russian Federation; e-mail: gushchina@iep.kolasc.net.ru)

Статья поступила 11.09.2019.